

Пусть из-за ликвидации последствий бедствия начать масштабную добычу на руднике пока не представлялось возможным, это не мешало заранее разметить прилегающие земли под лагерь и распределить будущую прибыль.

По законам Великой Чжоу, простолюдинам дозволялось добывать медь и серебро, уплачивая казне налог. Железо же и соль оставались строгой государственной монополией — за их тайный сбыт карали смертью.

— Семьдесят процентов чистой прибыли после уплаты налогов отходит уездному управлению, — Цзян Умянь сразу обозначил условия. — Мы нанимаем местных жителей, а также распределяем на работы провинившихся переселенцев. На плечи управы ложится обустройство инфраструктуры и планировка лагеря. Твои люди следят за порядком на руднике — за это ты получаешь тридцать процентов.

Условия были исключительно щедрыми. Речь шла о чистом доходе, оставшемся после выплаты податей в императорскую казну. Цены на железо держались на заоблачном уровне, а медь требовалась для чеканки монет повсеместно. Временами доходило до того, что медь ценилась дороже серебра.

Разумеется, предлагая такую долю, Цзян Умянь руководствовался холодным расчетом.

Рано или поздно слухи о богатой жиле поползут за пределы уезда — такое шило в мешке не утаишь.

И если столичные вельможи из Клана Хань пока оставались далеко, то местный префект ни за что не упустил бы возможность поживиться. Он непременно попытался бы прибрать дело к рукам и расставить на ключевые посты своих ставленников.

Шаоюаньсянь подчинялся префектуре напрямую, и открыто перечить вышестоящему чиновнику Цзян Умянь не мог. Случись такое, и судьбу рудника — сколько добывать и кому сбывать — решал бы не скромный уездный судья, а его сиятельство префект.

Но если формальным хозяином копей станет Сюэ Вэнь, чиновничьи рычаги префекта потеряют былую силу. Отобрать добычу у военного напрямую тот не решится — побоится соваться тигру в пасть, и ему придется действовать окольными путями, изматывая противника медленной осадой.

Конечно, можно было бы обратиться за содействием к Клану Хань, чтобы те надавили из столицы, но это повлекло бы за собой лишние хлопоты. К тому же земли Линнаня лежали слишком далеко от престола. В этих диких краях, куда власть центрального правительства докатывалась лишь слабым эхом, закон диктовал тот, у кого за спиной стояли вооруженные люди.

Под началом Сюэ Вэня числилось полторы тысячи закаленных бойцов. С такой силой здесь

можно было без труда объявить себя полновластным хозяином тайги.

Так что эти тридцать процентов были не просто платой за охрану — они покупали для рудников уезда Шаоюань надежную броню от посягательств извне.

— Тридцать процентов — это мало, — стоило зайти речи о выгоде, как от робости генерала Сюэ не осталось и следа. Он тут же принялся ожесточенно торговаться. — Нужно добавить еще несколько условий: изготовленное железо в первую очередь поставляется в лагерь моих войск, доля от медных копей выплачивается без задержек, а за армией на три года закрепляется право на разработку.

— Право на три года? — медленно переспросил Цзян Умянь.

Три года — стандартный срок службы уездного судьи. В этих временных рамках он действительно мог гарантировать соблюдение договоренностей.

Сюэ Вэнь обернулся, глядя на солдат, которые обустроивали военный лагерь.

— Платят на рудниках щедро, да еще и сытно кормят — отбоя от желающих не будет. Некоторым моим ребятам крайне нужно кормить семьи, и раз уж подвернулась такая возможность, я обязан за нее ухватиться.

Цзян Умянь тут же ввел жесткое ограничение:

— Только при наличии увечий. Те, кто исправно получает казенное жалованье и крепок телом, к работам не допускаются. Простым людям тоже нужно как-то выживать и зарабатывать на хлеб. Шахтерский труд опасен, но для них это единственный шанс не протянуть ноги с голоду.

— Этого более чем достаточно... Спасибо, — Сюэ Вэнь облегченно выдохнул, чувствуя, как отпускает сковавшее грудь напряжение, и искренне поклонился.

Цзян Умянь лишь качнул головой, призывая не разбрасываться благодарностями.

В его голове уже зрел масштабный план, детали которого еще предстояло свести воедино. Начать внедрение можно будет сразу, как только утихнут первые последствия бедствия и на рудниках закипит полноценная работа.

Завершив осмотр месторождения и уладив финансовые споры, Цзян Умянь в тот же день вернулся в уездную управу.

Теперь, когда уезд Шаоюань обладал запасами меди и железа, а рабочих рук было в избытке, появление первого металлургического завода оставалось лишь вопросом времени.

С его запуском начнется масштабное обновление крестьянского инвентаря. Новые орудия труда в разы повысят производительность, позволят поднять целину и распахать дикие пустоши. Пусть полностью победить голод сразу не удастся, но это существенно облегчит продовольственный кризис.

Но прямо сейчас перед ним выросла сложная задача, над решением которой он безуспешно ломал голову.

Пока судья пытался нащупать выход из тупика, изыскания советника Чжао Чэна увенчались оглушительным успехом — он ухитрился собрать деревянный плуг для заливных полей!

Цзян Умянь дважды обошел вокруг диковинной конструкции. Ее устройство заметно отличалось от его чертежей: к основной раме сзади крепилась дополнительная несущая опора.

— Противовес?

— Ваше превосходительство, ваш покорный слуга сначала в точности воссоздал образец по вашим чертежам, однако конструкция не выдержала нагрузок — дерево начало трещать и рассыпаться при первой же пробе. Пришлось добавить заднюю раму: так тяга распределяется равномерно между передней упряжью и упором сзади, что уберегает дерево от быстрого износа.

Под глазами Чжао Чэна залегли тяжелые синяки, словно бедолагу хорошенько отделали в уличной драке.

Цзян Умянь на мгновение лишился дара речи, после чего повернулся к стоявшему рядом советнику Цзян Цю:

— Сколько часов вам удавалось поспать в последние дни?

Цзян Цю, чье лицо украшали точно такие же темные круги, слабо улыбнулся. В его голосе не было ни капли обиды за изнурительную сверхурочную работу, равно как и упрека в адрес их вечно пропадающего на рудниках начальника.

— От силы два-три часа в сутки, господин судья.

Цзян Умянь:

—...

— Работа никогда не кончится, а здоровье у вас одно, — с глубоким вздохом произнес он. — Всю мелкую рутину перекладывайте на новоприбывших. Им полезно набраться опыта, пусть привыкают к делу.

И неважно, что среди этих самых «новичков» числились двое прожженных чиновников за сорок.

Чжао Чэн прикрыл рот ладонью, подавляя зевоту, но промолчал.

Зато Цзян Цю ответил с абсолютным спокойствием:

— Помощник судьи Чжоу с утра до ночи улаживает споры среди торговцев и прямо-таки светится от усердия. Регистратор Ян переписывает дворовые реестры, заступая на службу еще до рассвета. Заведующий тюрьмой и архивом Ван наводит порядок в казематах, не зная отдыха. Разве мы могли ударить в грязь лицом и подвести ваше превосходительство?

Цзян Цю был из тех неутомимых тружеников, что работают на износ и требуют того же от других. Сам он трудился без усталости и ежедневно гонял всю управу от мала до велика, так что перечить ему никто не смел.

Все в округе прекрасно знали: пусть формально за делами присматривает регистратор, реальными финансами ворочает именно советник Цзян. Он держал в руках ключи от казны.

А с тем, кто выдает жалованье, ссориться себе дороже. Тем более если этот человек — твой непосредственный начальник.

Цзян Умянь высоко ценил такое рвение подчиненных, но казенная служба еще не дошла до того, чтобы использовать людей как расходный материал.

— С сегодняшнего дня велю подавать к обеду еще одно сытное блюдо. Работа спорится лишь тогда, когда желудок полон.

О том, чтобы дать измученным подчиненным хотя бы один дополнительный выходной, он не обмолвился ни словом.

Чжао Чэн:

—...

Цзян Цю:

—...

Повернувшись к деревянному плугу, судья скомандовал:

— Ну что же, пора проверить его в деле.

Лишняя деталь удорожала производство, но если это продлевало срок службы орудия, овчинка определенно стоила выделки.

Собравшиеся затаили дыхание, наблюдая, как деревянный лемех врежется в землю. Цзян Умянь подошел ближе и придирчиво осмотрел борозду.

— Дерево слишком тупое, оно лишь царапает почву, а не режет ее. Нужно заменить лемех на железный.

Плотная, сырая грязь заливных полей оказывала колоссальное сопротивление. Обычный плуг увяз бы здесь намертво, что уж говорить о деревянной поделке.

Отливка железных деталей становилась задачей первостепенной важности.

Разумеется, запуск рудников требовал времени, но к моменту массового внедрения новых орудий сырья должно было хватить.

Чжао Чэн, усердно строчивший в свитке, закивал:

— Ваше превосходительство правы. Если поставить железный лемех, тяжелую деревянную опору можно убрать — плуг станет легче, а пахать будет ничуть не хуже.

Цзян Умянь задумчиво коснулся рукояти, толкнул конструкцию вперед и сам прошел пару шагов, принаравливаясь к ходу упряжи.

— Если мы заменим наконечник на металл и установим на раму сразу несколько лемехов для одновременной вспашки... Хватит ли у волов сил сдвинуть его с места?

— Несколько лемехов одновременно? — опешил Чжао Чэн.

И это неудивительно: традиционные орудия вроде тяжелого парного плуга или изогнутых плугов всегда имели лишь один рабочий нож и за один проход вспахивали ровно один ряд. Никому и в голову не приходило обрабатывать несколько борозд разом.

Но именно в этом заключалось главное преимущество многокорпусного отвального плуга.

Да, подобная машина требовала куда большей тягловой силы, и пахарю приходилось наваливаться на рукояти всем весом, что делало работу физически тяжелее, чем с привычным изогнутым плугом. Однако это было великое изобретение грядущей промышленной эры: переход от одиночной вспашки к многорядной экономил прорву времени и сил.

Сбереженные часы крестьяне могли потратить на домашние ремесла, чтобы поправить семейный достаток, или на расчистку новых участков под пашню.

Больше распаханной земли — больше зерна в закромах. Сытая жизнь убережет людей от преждевременной кончины в неурожайные годы, а поскольку в стране наконец воцарился относительный мир, пойдет в гору и рождаемость.

В долгосрочной перспективе это сулило уезду приток крепких рабочих рук.

Конечно, Цзян Умянь несколько идеализировал мощь научно-технического прогресса, но при грамотном управлении и поддержке властей богатый урожай был гарантирован.

Чжао Чэн опустился на корточки перед опытным образцом, сверяясь с первыми набросками судьи, и надолго задумался, прикидывая что-то в уме и ощупывая деревянные стыки.

— Если использовать подвижные сочленения... пожалуй, я смогу это собрать.

Всего через пять дней доработанный деревянный плуг предстал перед судом уездной управы.

Поскольку тесный внутренний двор казенного здания не подходил для испытаний, тяжелую машину погрузили на телегу и повезли к опытным наделам за городские стены. Там как раз пришло время запахивать в почву зазеленевший астрагал китайский под будущее удобрение — лучшего случая опробовать новинку нельзя было и пожелать.

У самых ворот управы они нос к носу столкнулись с помощником судьи Чжоу Цюанем и регистратором Ян Линем. Делать вид, что их не замечают, было бы верхом неприличия, так что пришлось позвать обоих с собой.

Чжоу Цюань со дня последней встречи осунулся еще сильнее, а Ян Линь выглядел до крайности потрепанным — у каждого хватало своих невзгод, но объединяли их одинаковые иссиня-черные тени под глазами.

За эту неделю Ян Линь исходил желчью от лютой злобы. Он не раз порывался сказать больным и не явиться на службу, но, вспоминая предостережения Чжоу Цюаня, всякий раз стискивал зубы и заставлял себя подниматься с постели.

Ему приходилось изо дня в день выполнять монотонную, отупляющую работу: разбирать старые архивы и переписывать дворовые реестры. И перепоручить это нудное занятие было решительно некому!

Здесьние стражники и мелкие писари не то что грамоте — они кисть в руках держать не умели!

Всего за несколько дней непрерывного труда запястья регистратора отекали, а пальцы дрожали так, что он едва мог вывести хоть один иероглиф. Вдобавок ко всему, этот несносный Цзян Цю то и дело мерил его презрительным взглядом, словно перед ним было никчемное пустое место.

От обиды и бессильной злобы Ян Линь метался на ложе до рассвета, не в силах сомкнуть глаз.

А наутро, разбитый и сонный, он снова плелся на опостылевшую службу, готовый сорваться на крик от малейшего пустяка.

У Чжоу Цюаня дела обстоят несколько лучше: разум его сохранял ясность, но тело изнывало от дикой усталости.

С самого Праздника драконьих лодок у него не выдалось ни единой свободной минуты. Сначала его бросили на усмирение вздорных рыночных торговцев, а затем отправили с дозором обходить уездные закоулки и выявлять ветхие, грозящие рухнуть от сырости лачуги.

Это заняло три бесконечных дня. Стоило ему решить, что настал черед перевести дух, как на пороге дома возник стражник Ли Е с новым поручением — господину помощнику судьи надлежит возглавить патруль на главных улицах. Словом, отвертеться от работы не удалось ни разу.

Чжоу Цюань неоднократно пытался добиться аудиенции у начальника, чтобы прояснить свое положение, но тот то и дело пропадал за городом, налаживая дела на рудниках. Услышав, что судья вернулся, Чжоу Цюань спешил в его кабинет, но неизменно целовал запертую дверь.

Лишь сегодня судьба проявила к нему благосклонность. Это была их первая личная встреча с самого Праздника лодок.

И вот теперь его без лишних церемоний утащили на пашню, где почтенные мужи битый час кружили вокруг какого-то нелепого нагромождения брусьев.

По дороге судья Цзян обмолвился, что сия диковина зовется плугом.

Однако ни Чжоу Цюань, ни Ян Линь не поверили ни единому слову своего начальника. Конструкция выглядела до нелепости несуразно.

Передняя перекладина крепилась к упряжке вола, средняя часть напоминала раму, к которой снизу подвесили нечто, отдаленно похожее на сошники, а позади шел человек, толкавший еще одну раму.

И эту громоздкую нелепицу они называют плугом?

По правде сказать, сам Цзян Умянь тоже с некоторым сомнением вглядывался в творение рук своих подчиненных.

В одиночном исполнении этот инструмент еще походил на его первоначальную задумку, но когда лемехов стало несколько, весь облик машины изменился до неузнаваемости. Навесную раму переделали, подвижные узлы укрепили, а заднюю балансировочную опору убрали вовсе.

— Мы укрепили среднюю часть рамы, так что теперь плуг прекрасно держит борозду и без задней опоры, — пояснил Чжао Чэн. — На данный момент он способен вспахивать три ряда одновременно. Чтобы добавить новые лемехи, придется заново менять баланс рамы.

В идеале, согласно теоретическим расчетам, такой плуг должен был вести шесть борозд разом. Однако несовершенство материалов и сложность ручной подгонки деталей ограничили их возможности лишь тремя лемехами.

Когда они добрались до опытных участков, за ними уже тянулся хвост из любопытных горожан. Увидев, что у края поля собирается толпа, крестьяне со всех окрестных наделов побросали работу и поспешили разузнать, в чем дело.

— Что это за штуковина? — шептались в задних рядах.

— Господин судья говорит, новый плуг для пашни, — отвечали те, кто шел следом за чиновниками от самых ворот.

— Плуг?

— Да какой же это плуг?

Люди вытягивали шеи, сиюсь разглядеть диковинное приспособление. Пробившись сквозь толпу поближе, они удивленно ахали: перед ними высилась огромная, невиданная доселе машина из деревянных рам и распорок.

Она не имела ничего общего с привычными изогнутыми плугами, которыми веками пользовались их предки. В толпе прокатился гул недоумения.

Разве это плуг? Какая-то нелепая груда дров. Как на такой машине вообще можно пахать

землю?

<http://bllate.org/book/19045/1950588>